

Часть 44.

Вокруг быстро темнело и дорогу затягивали тени.

«Всё будет хорошо», – думала Ёко, торопливо шагая по дороге. – «Всё будет хорошо». Когда окончательно наступила ночь, дорога погрузилась во тьму и редкие путешественники исчезли. Она перешла на бег, совершенно не заботясь о том, как это выглядит со стороны.

Спустя какое-то время, подбежав к перекрёстку, она свернула в сторону, оставляя позади и дорогу к Горьё, и дорогу, с которой они начали своё путешествие.

Прошло уже много времени, но Ёко всё ещё продолжала идти вперёд. Она уже не бежала очертя голову, она двигалась быстро, но осторожно, словно бы её преследовали.

«Всё будет хорошо», – вновь сказала она самой себе.

Даже если Ракушун расскажет всем о ней, в этом месте не существовало такого понятия как фотография, так что Ёко сомневалась, что они опознают и вычислят её. К тому же, если Ракушун сдаст её, его наверняка повяжут как соучастника. Так что вряд ли он захочет рассказывать кому-либо о кайкяку, которая бросила его позади и сбежала в одиночестве.

Ёко остановилась, обдумывая это. В её душе царила пустота.

Сейчас она должна была думать вовсе не об этом.

«Был ли Ракушун в порядке?»

Ёко не заметила у него никаких видимых повреждений, но это не значило, что он не был ранен.

«Вернись», – настаивал голос в её голове. Она должна была вернуться и узнать, как там Ракушун, а затем попытаться улизнуть.

«Слишком опасно», – раздался ещё один голос. – «Ты ничего не сможешь сделать, если вернёшься».

«Но у тебя есть самоцвет», – ответил первый голос.

Это не значит, что он как-либо поможет Ракушуну. Вполне возможно, что он уже мёртв. Если

она вернётся, её наверняка схватят. А если её схватят, то всё будет кончено. Тогда она сама окажется мертва.

«Ты настолько дорожишь своей жизнью?»

У Ёко не было никаких причин не дорожить ею.

«Ты же предаёшь человека, который помог тебе».

Не факт, что он помог ей из добрых побуждений.

«Это не отменяет того, что он сделал. Он дал тебе убежище, крышу над головой».

Он сделал это по своим причинам. Вряд ли это было по доброте душевной. Такие люди рано или поздно предают тебя.

«Значит, по-твоему, нормально бросать кого-то, если его намерения неидеальны? Ты правда хочешь идти именно таким путём?»

В этом мире было полно мёртвых и умирающих. И среди них были те, кого она знала и те, кто знали её. И она собирается просто забыть о них? Может быть, ей стоит хотя бы попытаться протянуть руку помощи? Тогда хотя бы некоторые из них наверняка выживут.

«Вот только не надо приукрашивать реальность пустыми словами. Только не в этой стране. Здесь, когда приходит твой черёд, ты ничего не можешь с этим поделать».

Но это были не пустые слова. Люли могли делать добро по своей собственной воле. Как она могла забыть об этом?

– Даже сейчас, в столь поздний час, ты не забываешь о своих принципах, маленькая девочка.

«Даже сейчас, маленькая девочка, даже сейчас».

– Да-да, вернись уже и прикончи его.

Осознав, чей именно пронзительный голос она слышит, Ёко подпрыгнула от неожиданности. Голубая голова обезьяны парила в воздухе над растущим у дороги кустом.

– Разве не об этом ты думала всё это время? Признайся.

- Я... - Ёко посмотрела на голубую обезьяну, её бросило в дрожь.

- Ты ведь планировала именно это, не так ли? Посмотри на себя, девчушка, ты пытаешься оправдать себя своими привычными оправданиями даже сейчас. Особенно сейчас, - обезьяна расхохоталась безумным смехом.

- Нет, это не так.

- О да, так оно и есть. Ты думала именно об этом.

- Я бы никогда не совершила ничего подобного!

- О, нет, совершила бы.

- Нет! Я бы не смогла!

- Почему? Потому что тебя пугают убийства? - обезьяна весело захихикала. - Или потому что ты хотела убить его, но не смогла набраться смелости? - взглянув на Ёко, обезьяна радостно взвизгнула. - Что, всё ещё не веришь мне? Хорошо! Ты согласишься в следующий раз.

- Нет!

Голубая обезьяна продолжила смеяться, игнорируя Ёко. Резкие звуки его смеха безжалостно терзали её уши.

- Я возвращаюсь к Ракушуну.

- Даже если ты вернёшься, всё равно он уже мёртв.

- Это ещё не известно.

- Говорю тебе, он мёртв. Вернёшься, тебя схватят и тоже убьют. В чём смысл?

- Я всё равно возвращаюсь.

- Хорошо, думаешь, ты сможешь смыть этим все свои грехи?

Уже развернувшаяся было Ёко замерла.

- О да, вернуться, конечно, здорово. Значит, ты вернёшься, согласишься, согласишься на его мёртвое тело и хорошенько поплачешь? Ну конечно, это наверняка оправдывает все те мысли о его убийстве, которые только недавно крутились в твоей голове!

Ёко смотрела на ехидно ухмыляющуюся обезьяну, не зная, что ответить. Она разговаривала сама с собой. Этот скрипучий голос был её собственным голосом. Обезьяна была ничем иным, как воплощением её собственной души.

- Он наверняка предаст. Так что лучше бы тебе позаботиться о нём до того, как это произойдёт, верно?

- Умолкни.

- Возможно, по этой дороге в твою сторону уже движутся солдаты! Эта крыса наверняка сдала тебя со всеми потрохами!

- Заткнись! - Ёко выхватила меч и взмахнула им перед собой. Несколько кончиков листьев, срубленных с куста, плавно осели на землю.

- Хорошо, что он умер, но лучше бы ты сама его прикончила. Ты до сих пор так наивна, девочка.

- Да хватит уже!

- Ладно, значит, в следующий раз. В следующий раз, когда произойдёт нечто подобное, убедись, что ты сделаешь то, что нужно.

- Прекрати доставать меня! - она рассекла мечом воздух, и ещё несколько листьев упало на землю.

Даже если она сделает то, что должно, то что тогда? Раз у неё на сердце было так тяжело только потому, что она бросила его, как она тогда будет жить с грузом убийства на своей совести? Неужели её выживание само по себе оправдывает всё? Неужели было не важно, насколько низко она опустится, стараясь выжить?

- Я рада, что не убила его.

Ёко действительно была рада, что не поддавалась внезапному порыву и не воплотила с горяча то, о чём думала.

- Значит, ты просто хочешь оставить его в живых, чтобы он сдал тебя, верно? - обезьяна язвительно рассмеялась.

- Пускай сдаёт! – сердце Ёко словно сжала невидимая рука, на её глаза навернулись слёзы. – У него есть на это право! Пусть жалуется обо мне, если хочет!

- Ох, сама наивность.

Почему она решила, что больше не может доверять людям? Это было не потому что она боялась предательства. Сам по себе страх предательства не исключает возможности доверять людям.

- Это потому что ты так доверчива. Ты лёгкая цель. Каждый может обмануть тебя.

- Если он хочет обмануть меня, пускай, я переживу.

- Ах, какая же ты легковверная, – смех обезьяны разнёсся в ночи. – Серьёзно? Правда? Тебя действительно устраивает прикидываться дурочкой?

- Если такова цена, то да. Человек, идущий на предательство, признаётся в своей собственной трусости. Такие люди не способны навредить мне. Но лучше я буду преданной, чем сама пойду на предательство.

- Ну конечно, предатели всегда трусы. Но в этом переполненном демонами мире, трусы частенько оказываются на вершине. Никто здесь не проявит к тебе ни капли доброты, девочка. Такие здесь просто не водятся.

- А мне-то что с того?

Даже несмотря на то они выследили её и загнали её в угол, правильно ли было забывать о своей человечности? Правильно ли было отталкивать любого, кто попытается приблизиться к ней с добрыми намерениями? А если их мотивы окажутся не белоснежно-чистыми, разве правильно будет ни капли не доверять им? Если люди в этом мире не будут к ней добры, правильно ли будет не проявлять к ним доброты в ответ?

- Нет, это не правильно.

То, насколько она доверяет людям, совершенно не относится к тому, насколько часто её предадут. То, насколько по-доброму люди ведут себя с ней, никак не определяло то, насколько по-доброму должна была она относиться к ним в ответ. Даже если в этом огромном мире она была совсем одна, если ни один человек здесь не поможет или не посочувствует ей, это не означало, что она должна проявлять трусость, бросать людей в беде или причинять им вред.

Обезьяна зашлась истерическим смехом. Раскаты её хохота эхом разносились по округе.

- Я хочу быть сильной.

Ёко крепко сжала рукоять меча. Это желание не было связано с этим миром или этими людьми. Она просто хотела идти по жизни с гордо поднятой головой. Она хотела быть сильной.

Внезапно обезьяна перестала смеяться.

- Ты умрёшь здесь. Ты никогда не вернёшься домой. Никто больше не увидит твоего лица. Ты умрёшь обманутой и преданной. Ты умрёшь.

- Я не собираюсь умирать.

Если она умрёт здесь, это будет значить, что она глупа и труслива. Если она умрёт сейчас, это подтвердит все самые худшие черты её характера. Конечно, сторонний наблюдатель мог сказать бы, что она не достойна жить, но она не собиралась допускать такого лёгкого выхода из этой ситуации.

- Ты умрёшь. Ты будешь голодать. Твои силы иссякнут. Ты сойдёшь с ума. И затем умрёшь!

Ёко замахнулась мечом, вложив в удар все свои силы. Кончик клинка вспорол воздух и срезал с куста несколько веток. Ёко почувствовала в своей руке сильную отдачу, голова обезьяны упала на осыпавшиеся листья и принялась кататься по земле, разбрызгивая вокруг капли крови.

- Я никогда не сдамся.

Из её глаз брызнули слёзы. Вытерев глаза рукавом, она собралась было продолжить, как вдруг увидела золотистый отблеск у себя под ногами. Некоторое время Ёко не могла понять, что именно она видит. Она удивлённо смотрела себе под ноги. Там, в луже тёмной крови, где только что была голова обезьяны, лежало то, что она потеряла давным-давно.

Ножны меча.

<http://tl.rulate.ru/book/4471/448551>